

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2024. № 3–4 (44–45), pp. 32–44. Journal homepage: <http://rostrurcology.ru/>

УДК/UDC: 398.3

DOI 10.37892/2712-8121-2024-44-45-32-44

ПЕРЕЖИТКИ НЕКОТОРЫХ ТАТАРСКИХ ОБЫЧАЕВ У РУССКИХ^{1,2}

Н.И. Веселовский

Для цитирования: *Веселовский Н.И.* Пережитки некоторых татарских обычаев у русских // Российская тюркология. 2024. № 3–4 (44–45). С. 32–44. DOI 10.37892/2712-8121-2024-44-45-32-44.

Remnants of some Tatar customs among Russians

N.I. Veselovskiy

For citation: *Veselovskiy N.I.* Remnants of some Tatar customs among Russians // Russian Turkology. 2024. № 3–4 (44–45). P. 32–44. DOI 10.37892/2712-8121-2024-44-45-32-44.

1. Не здороваться и не прощаться через порог

Широкою распространенностью пользуется у нас, по преимуществу в образованном обществе, старинный обычай не здороваться и не прощаться через порог. Немного находится смельчаков, готовых отвергнуть этот прочно укоренившийся предрассудок, поддерживаемый каким-то безотчетным страхом, очевидно имевшим некогда реальное основание. Никто не задумывался над происхождением этого обычая, а потому никто не предполагал, что в данном случае мы имеем дело с татарским влиянием в виде упорного пережитка.

Обыкновенно думают, что здороваться или прощаться через порог опасно потому, что это может вызвать ссору или какие-либо неприятности между теми лицами, которые так неосторожно поступают.

В Словаре Даля под словом «порог» читаем между прочим: «Через порог не здороваются. Через порог руки не подают. В притолоку молитву заделывают, под порог заговоры кладут. На пороге не стоят. Купцы на пороге в лавке не стоят (покупателей отгонишь). Через порог ничего не принимать – будет ссора».

¹ Перепечатано с: *Веселовский Н.И.* Пережитки некоторых татарских обычаев у русских // Живая старина. Год XXI. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1912. – Вып. 1. – С. 27–38.

² В настоящей публикации за небольшими исключениями технического характера сохранена орфография и пунктуация источника. Ссылки на литературу приведены по современному формату и добавлены в угловых скобках. – *Прим ред.*

В этом перечне мною приведены те только изречения, в которых порог представляет угрозу, и опущены все другие с иным значением, как то: без Бога – ни до порога, или: смерть у порога (т. е. близко).

Ясно, что толкование здесь натянутое, что первоначальный смысл обычая утрачен, и этот смысл лежит гораздо глубже, чем обыкновенно предполагают.

Если мы обратимся к первым временам господства монголов и татар, то увидим, что у этих народов порог жилища, т. е. юрты, имел особенное, какое-то мистическое значение: ступить на порог не дозволялось безнаказанно никому ни в каком случае, даже нечаянно; а за нарушение неприкосновенности порога ханского шатра полагалась смертная казнь. Требование не ступить на порог жилища хана неукоснительно предъявлялось в Орде всем чужеземным послам и другим лицам перед тем, как идти на аудиенцию к хану. Некоторые из посланников отметили это необычное требование; но очень жаль, что никто из них своевременно не попытался доискаться его причины, которая, по всей вероятности, тогда была известна татарам.

Раньше других сообщили о пороге послы-монахи, Плано Карпини и Вильгельм Рубрук. Первый в своем отчете о пребывании у монголов говорит о пороге четыре раза. Прежде всего, он коснулся порога при общем перечислении проступков, за которые у татар полагалась смертная казнь, в следующих выражениях: «Точно так же, если кто наступает на порог ставки какого-нибудь вождя, то его умерщвляют точно таким же образом», как и подавившегося при еде куском мяса, а именно: под ставкой делают отверстие, вытаскивают виновного через это отверстие и убивают <Плано Карпини, Рубрук 1911: 9>. Во второй раз Плано Карпини упоминает о пороге при представлении послов Коренце: «Взяв дары, они (татары) повели нас к орде, или палатке его, и научили нас, чтобы мы трижды преклонили левое колено пред входом в ставку и бережно остерегались ступить ногой на порог входной двери. Мы тщательно исполнили это, так как смертный приговор грозит тем, кто с умыслом попирает порог ставки какого-нибудь вождя» <Там же: 47>. В третий раз Плано Карпини говорит о пороге перед аудиенцией у Батая, когда посланнику было сделано «напоминание о пороге» <Там же: 49>. Наконец, в четвертый раз он заметил о пороге, когда являлся к хану Куюку: «Каждый из нас четыре раза преклонил левое колено, и они внушили нам не касаться внизу порога» <Там же: 55>.

Следует отметить, что Плано Карпини выделяет пороги в жилищах важных особ; но само собою разумеется, что и у простых монголов и татар порог их кибиток не должен был считаться вещью безразличною; только последствия за потревожение у них порога не могли идти так далеко, как у ханов и вельмож.

Особенно интересно свидетельство Вильгельма Рубрука о пороге, потому что у него дело с порогом обошлось не столь благополучно, как у его предшественника. У Рубрука сообщается о пороге три раза. Во-первых, когда Рубрук шел к Сартаку, «они усердно посоветовали нам остеречься при входе и выходе, чтобы не коснуться порога дома» <Плано Карпини, Рубрук 1911: 90>. Во-вторых, при описании одного посещения Мангу-хана: «После этого мы вышли, и мой товарищ остался сзади; и, когда мы были снаружи, он, готовясь выйти сзади нас, повернулся лицом к хану, кланяясь ему, а затем, следуя за нами, споткнулся о порог дома. В то время как мы шли впереди, направляясь с поспешностью к дому

сына хана, Балту, наблюдавшие за порогом наложили руки на моего товарища и приказали ему остановиться и не следовать за нами. Затем они позвали какое-то лицо и приказали ему отвести моего товарища к Булгаю, старшему секретарю двора и осуждающему виновных на смерть. <...> Затем привели моего товарища, и монах сильно бранил его за то, что тот коснулся порога. На следующий день пришел Булгай, бывший судьей, и подробно расспросил, внушал ли нам кто-нибудь остерегаться от прикосновения к порогу. Я ответил: “Господин, у нас не было с собою толмача; как могли бы мы понять?”. Тогда он простил его. После того ему никогда не позволяли входить ни в один дом хана» <Там же: 129, 131>.

Оправдываясь так, монах несколько раз погрешил, потому что и ему самому, и его спутникам было хорошо известно запрещение касаться порога.

В-третьих, В. Рубрук, описывая свое посещение Мангу-хана на другой день после Вербного воскресенья, прибавил: «Товарищу моему они не позволяли идти, так как он наступил на порог» <Там же: 141>.

У Марко Поло по тексту Рамузио, который И.П. Минаев признавал лучшим, относительно порога сказано следующее: «У каждых дверей с обеих сторон, или вернее всюду, где великий хан может быть, стоят два больших человека, словно гиганты, с посохами; они наблюдают, чтобы никто не наступал на порог, а перешагивал через него <...> При выходе же, так как многие подпили и не могут остерегаться, то на это не обращают внимания» <Поло 1902: 130>.

Здесь интересно совпадение показания Марко Поло о том, что при выходе не обращается внимания на порог, с тем случаем, когда один из спутников Рубрука, удаляясь из ханского дворца, нечаянно задел за порог и не был подвергнут наказанию. Значит, наступить на порог при входе в юрту считалось у монголов преступлением более тяжким, чем то же самое деяние при выходе.

Эту особенность татарского этикета отметили и арабские писатели, преимущественно египетские, так как между Египтом и Золотой Ордой существовали очень оживленные дипломатические сношения. Ибн-Абдесзахыр, писатель XIII в., описывая прием послов у хана Берке, говорит: «Никто не топчет ногами порога шатра его» <Тизенгаузен 1884: 64>. То же повторил эль-Муфаддаль <Там же: 192>.

В русских летописях нет никаких указаний на требование не касаться порога; а между тем к русским князьям, ездившим в Орду, и их спутникам это требование должно было предъявляться всего чаще или, вернее сказать, постоянно. С подданными своими татары не церемонились, расправа следовала быстро и без всякой пощады. Понятно, что страшное требование врезалось в память наших предков так прочно, что оно было усвоено ими как свое родное, и в таком виде дошло до наших дней.

Я не буду здесь останавливаться на обрядах, которые не совсем ясно выражены и цель которых недостаточно истолкована. К числу таких я отношу описанный В.М. Черемшанским <Черемшанский 1859: 186–187> черемисский праздник Кугогече – поминовение умерших, когда черемисы готовят много кушаний; они берут несколько больших чашек, корыто и ставят к порогу, а сами садятся за стол и начинают есть, пить и веселиться, между тем по краям пустой посуды налепливают свечи и зажигают, наблюдая притом, ярко ли горят свечи, из чего и заключают о состоянии загробной жизни своих умерших родственников. Потом, когда свечи истеплятся, берут со стола по несколько ложек ка-

ждого кушанья и сливают в расставленную у порога посуду, а также бросают в нее куски хлеба, блины и проч. – что, по просьбе хозяев, должны делать даже и посторонние люди, если тут прилучатся, хотя бы это были русские, татары или другие народы. По окончании этой церемонии, расставленную у порога посуду с яствами выносят на двор и бросают собакам. Считают за хороший знак для умерших, когда собаки, разделяя добычу, грызутся между собою. Затем начинают общее пированье, которое продолжается несколько дней.

В нашей литературе существует замечательный, еще недостаточно оцененный труд ламы Галсан-Гомбоева «О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Платона Карпини» <Гомбоев 1859>, составленный с целью осветить данные [второй] половины XIII столетия современными взглядами монголов на некоторые обычаи их. Гомбоев не оставил без внимания и порог: «Порог, и в настоящее время, – заметил он, – находится в каком-то уважении у монголов. Говорят: “не садись на порог, – грех! не пинай порог, – грех!” Если родится уродливое животное, то его разрубает и зарывают под порог, для предотвращения несчастий. Если кто удостоивается чести явиться перед князем или каким-нибудь важным лицом, то говорится: “Перешагнуть золотой порог хана или князя” и проч. Но у монголов не осталось никакого предания для объяснения этого значения порога. Кажется, сначала получил значение только порог хана, и уже впоследствии стали приписывать значение порогам вообще» <Там же: 237–238>.

Итак, у монголов сохраняется, в виде пережитка, уважение к порогу, только смысл этого предрассудка утратился. Что же касается предположения Гомбоева о том, что первоначально получил значение порог хана, то оно, конечно, не имеет значения, как ни на чем не основанное.

По поводу монгольского обычая зарывать под порогом уродливое животное, можно привести китайское известие о праздниках у киданей: восьмого числа 8-й луны государь убивает белую собаку, голову которой зарывали в 7 шагах от палатки на юг, выставляя зубы. Через 7 дней палатку ставили на том месте, где была зарыта собачья голова <Васильев 1857: 191>.

Если нельзя ступить на порог, то само собою разумеется, невозможно и садиться на него. Действительно, у восточных народов, признающих первое правило, соблюдается равным образом и второе. Воейков, писавший о калмыках, сообщил, что «у калмыков сесть на пороге почитается за ужасное беззаконие» <Воейков 1822: 249>.

Что до появления татар на Руси порог не имел значения какого-то страшилища, это доказать нетрудно. В летописи по Лаврентьевскому списку <Летопись 1872: 174> под 1071 годом приведен следующий рассказ: «В си бо времена, в лѣта си, приключися нѣкоему Новгородцю прити в Чюдь, и приде к кудеснику, хотя волхвованья отъ него; онъ же по обычаю своему нача призывати бѣсы в храмину свою. Новгородцю же сѣдѣшу на порозѣ тоя же храмины, кудесникъ же лежаше оцепѣвъ (или: оцепенѣвъ), и шибе имъ бѣсъ». Отсюда явствует, что в то время сидение на пороге не связывалось ни с каким суеверным представлением, и порог не содержал в себе понятия запрета.

Почитание порога не есть исключительная принадлежность монголов, у которых вообще было очень мало своего самобытного.

Мне было известно, что запрещение ступать на порог древнее монголов, что оно встречается в классической литературе и связано с шаманскими верованиями.

Еще В.П. Васильев, постоянно доказывавший влияние Китая на кочевников, в статье «Современное положение Азии – китайский прогресс», между прочим, заметил: «Путешественники времен Чингисханидов передают как исключительный монгольский обычай, чтобы вступающий в юрту не наступал на порог. А между тем это предписание встречается в самых древних китайских книгах» <Васильев 1883: 5>.

Поэтому я обратился к нашему китаисту А.И. Иванову, который, как я знал, тоже интересовался этим вопросом, собрать о нем сведения в китайской литературе. А.И. Иванов с редкою готовностью поделился со мною своими сведениями и сообщил мне, что в сочинении «Лун-юй»³ есть выражение: «Он не становился на порог» (X, 4), а в «Цзо-чжуань» сказано: «Женщины, провожая и встречая, не выходят из ворот, не наступают на порог при встрече с братьями». Объяснение такому запрету А.И. Иванов получил от самих китайцев, и оно состоит в следующем. Порог считается местопребыванием бога Ту-шэнь, бога земли, вследствие чего стояние на пороге является оскорблением божества и сулит бедствиями дому. Ту-шэнь охраняет дом от вторжения злых духов, приносящих болезни и бедствия. Для того, чтобы умиловить божество и расположить в пользу обитателей дома, закапывают при постройке глиняную чашку с жертвой божеству, причем на дне чашки пишется знак *фу* – счастье⁴.

Итак, по китайским воззрениям, с порогом соединяется понятие о счастье обитателей дома, в очень широком смысле, а именно: о здоровье и всяком благополучии.

Теперь приведу объяснение из другого источника. Давно интересуясь вопросом о значении порога и не находя ему разъяснения в доступной мне литературе, я не упускал случая обращаться к опросу тех инородцев, у которых запрещение ступать на порог существовало в древности, а отчасти существует и в настоящее время.

³ В оригинальном тексте – Лунь, т. е. Лун в современной орфографии, однако в настоящее время передается как Лунь. – *Прим. ред.*

⁴ О человеческих жертвах духу земли при заложении города я здесь касаться не буду, чтобы не уклоняться в сторону от прямой задачи настоящего исследования, но приведу одно предание о построении Новой Казани, потому что там сообщается интересная подробность. Предание впервые было записано академиком Георги (<Georgi 1775: 811–813>) и обследовано С.М. Шпилевским (<Шпилевский 1877: 69 и др.>). Казанский хан Али-бей, узнав, как трудно жителям старой Казани ходить за водой, послал своего наследника с двумя вельможами и с 100 воинов к устью Казанки отыскать лучшее место, и как они об этом согласятся, раскрыть его запечатанное повеление. Они выбрали место нынешней Казани. В ханском приказании значилось, чтобы один из трех посланных, на которого падет жребий, был зарыт живым на выбранном месте. Жребий пал на наследника хана; но его скрыли и вместо него зарыли собаку (построение Новой Казани относят к 804 году хиджры (1402 г. по Р. Х.)). Здесь сообщается, что вместо человека принесено в жертву животное, в чем нельзя не видеть аналогии с монгольским обычаем, описанным Галсаном Гомбоевым, и подобным же у киданей.

По сообщению, сделанному мне киргиз-казакон Перовского уезда Сер-Али Лапиным, у его соотечественников и теперь удерживается запрет задевать порог ногами, и они дают объяснение этому запрету. По их представлению, счастье и благополучие направляются в юрту, как река течет по руслу, и через порог вливаются в жилище. Потревожив порог, можно перебить, прервать русло, и счастье потечет мимо юрты. Господин Лапин привел мне еще одну интересную подробность: старая злая киргиз-казачка, не имеющая возможности по бессилию отплатить за причиненную ей дома обиду, чтобы досадить обидчикам, начинает топтаться на пороге юрты, за что подвергается тяжким побоям.

Это толкование раскрывает нам смысл требования татар всячески остерегаться наступать на порог, что одинаково относится как к жилищу хана, так и к жилищам его подданных; только зло, причиняемое хану, наказывалось высшею мерою наказания, а простолудин, сам ограждавший свой порог, не всегда имел возможность оградить свое право на счастье. Итак, мы видим, что с порогом связано представление о счастье, и этим оправдывается выражение: прибегнуть к *счастливому* порогу.

Если мы сопоставим оба толкования, китайское и киргиз-казацкое, то получим очень ясное понятие о значении порога. Через него вливается счастье в жилище. Любопытно, что в древности у китайцев слово порог 闕 юй состояло из двух соединенных знаков: из *мынь* 門 «дверь» и *хо* 或 «оросительный канал», т. е. и у них как будто существовало представление о потоке счастья, вливавшемся в дверь⁵.

Кажется, у монголов утратилось верование в обитание на пороге благодетельного духа, так как они не одинаково смотрели на задевание порога ногою при входе и при выходе из юрты; но, принимая во внимание основное положение шаманства, что духи обретаются повсюду, мы должны признать, что китайское объяснение сохранило именно первоначальный смысл. Насколько легко забываются причины данного обычая, можно видеть из следующего: Н.Н. Кротков, бывший консул в Урумчи, имевший возможность наблюдать почитание порога местным населением, спрашивал у таранчей, почему они не наступают на порог? Те отвечали: «Шайтан этого не любит». Этот ответ показывает, что таранчи забыли смысл обычая, который продолжают соблюдать, несмотря на принятие ими мусульманства. Под шайтаном мусульмане понимают *злого* духа, не имеющего никакого отношения к порогу, который служит обиталищем *доброму* духу.

Ввиду того, что счастье вливается в юрту рекою, отсюда, может быть, нетрудно объяснить, почему задевание порога изнутри юрты не столь опасно, как задевание снаружи. По представлению шаманистов очевидно, что в первом случае вред слабее, чем во втором, так как счастье уже направилось в юрту; во втором же оно может совсем миновать ее.

Понятию о неприкосновенности порога противоречит, по-видимому, один обычай, соблюдаемый при свадебных обрядах у киргиз-казаков. Этот обычай

⁵ Надо заметить, что 或 имеет в китайском письме некоторые свойства *фонетика*, фонетической части иероглифа-фоноидеогаммы. Поэтому влияние семантики *оросительный канал* в 闕 [упрощ. начерт. – 闕], где смысловым ключом является 門[门], весьма затемнено (неопределенно). – *Прим. ред.*

описан И.И. Ибрагимовым и состоит в следующем: когда жениха ведут к его невесте в кибитку ее отца, что называется *бусага-атмасу* (перешагнуть порог) или *исык-ачу* (открыть дверь), то перед дверью делают различные препятствия, для устранения которых жених должен давать подарки. Бросают бакан, через который не дозволяется перешагнуть; бросают джеле (аркан для привязывания жеребят во время дойки кобыл), и «наконец жених в последний раз дает подарок старухе, лежащей на пороге кибитки; эта старуха называется *кемпыр-ульды* (старуха умерла); так как через мертвое тело нельзя перешагнуть, то жених должен подарком заставить встать старуху» <Ибрагимов 1872: 137–138>.

Ввиду того, что лежание старухи на пороге противоречит всему, нам известному о пороге у тех же кочевников, невольно возникает вопрос о том, вполне ли точно передал Ибрагимов вышеприведенную подробность? Не следует ли предположить, что старуха лежит не *на* пороге, а *перед* порогом? На такую поправку дает, кажется, основание и вся обстановка обряда: по устранении всех препятствий жених должен сам открыть себе дверь в кибитку. Пусть эта дверь будет сделана из куска войлока или камышовой плетенки, все же трудно допустить, чтобы при закрытой двери можно старухе лежать на пороге и быть видимой жениху, и чтобы с этой старухой было удобно переговариваться, не открыв еще двери. Мое предположение находит, кажется, поддержку в статье «Обычаи киргизов Семипалатинской области». Автор статьи, г. П., описывая свадебные обряды названных киргиз, приводит те же подробности, которые изложил и Ибрагимов. Жениху, идущему к невесте, кидают на дороге бакан; затем лежащая на земле женщина изображает ворчащую собаку; наконец, у дверей юрты невесты женщина преграждает путь жениху; за данный подарок она отстраняется <П 1878: 35–36>. Здесь не говорится, что женщина лежит на пороге, но и умершею она не названа. Умершая женщина – «старуха умерла» – является в этой статье не последним, а первым препятствием, раньше бакана. По-видимому, «умершая старуха» поставлена в этом рассказе не на свое место. Таким образом, описанный здесь обряд оказывается не совсем ясным и требует дальнейшего расследования; но порог в этом случае остается свободным, что для меня особенно важно.

Мне кажется, что можно объяснить и другой обычай, связанный с порогом, а именно: прибывание лошадиной железной подковы у порога.

Если мы обратим внимание на замечание ламы Гомбоева, что родившееся уродливое животное разрубает и зарывают под порог, то должны будем признать в данном случае влияние шаманства, которое, с одной стороны, преисполнено страхом перед злою силою враждебных духов, а с другой – сложной системой борьбы с ними. Где существует добро, там присутствует и зло. Если в юрту вливается счастье, то так же может вливаться в нее и несчастье; вот против этого вредного начала и надо принять предупредительные меры. Все они имеют целью устрашить злых духов, которые и являются причиной всех бед человека. Надо сделать порог для этих духов недоступным, что достигалось, по-видимому, зарыванием уродливого животного под порогом. Прямого указания на такое значение обряда я найти не мог и дал ему объяснение, основываясь на шаманских верованиях вообще. Переходя теперь к подкове, я могу утверждать это положение уже решительнее. Злые духи боятся металлов, в особенности железа, поэтому шаман обвешивает свой плащ значительным количеством железных и медных

побрякушек; по той же причине он, во время мучительных и продолжительных родов, бегают вокруг роженицы с обнаженною саблею в руке, думая этим устрашить злого духа, который вселился в больную. Или втыкают в землю саблю с острием к изголовью больной с целью напугать злых духов <Ибрагимов 1872: 129>. У минусинских татар, когда берут ребенка из люльки, то кладут туда железные ножницы, конечно, для того, чтобы злой дух не поселился в люльке.

Заслуживает внимания также и то, что у порога прибивается не первый попавшийся кусок железа, а железо от лошади – подкова. Лошадь в шаманстве имеет, не в пример другим домашним животным, особое значение. На этом я не буду останавливаться, отмечу лишь два примера, которые считаю наиболее характерными. По свидетельству одного исследователя быта якутов, г. Д-ва, когда якут ломает комелек, предмет по древним верованиям священный, то надевает на руки пустые копыта лошади и говорит: «Не я тебя ломаю, а лошадь ломает». Таким образом, мы входим здесь в область шаманского культа.

Другой пример может служить подтверждением этого положения:

У туземцев Северного Кавказа почти всегда можно видеть у засеянного поля лошадиный череп, водруженный на длинный кол, причем сами они видят в этом предохранительное средство от вредных насекомых и вообще от всякого несчастья по отношению к урожаю. Этому языческому установлению, не имеющему оправдания ни в мусульманстве, ни тем более в христианстве, стали подражать и русские соседи адыгейцев. По свидетельству Георги, башкиры привешивают к дереву, где держат пчел, конскую голову для отвращения волшебных оговоров <Георги 1776: 102>.

В своем изложении, как видят читатели, я вовсе не обращался к западной литературе о пороге, которая для моей цели оказалась малопригодной. Все, что я мог извлечь оттуда, заключается в указании, что порог есть местопребывание духа дома или семьи, или божества порога. Для желающих укажу на сочинение Arnold van Gennep «Les Rites de passage» (Paris, 1909), где сделан свод трудов по этому вопросу. Между прочим, там не совсем точно передан один наш обычай: «*Quelquefois la valeur sacrée du seuil se retrouve dans tous les seuils de la maison: j'ai vu en Russie des maisons sur le seuil de chaque chambre* (в этом случае наш автор ошибается: железо прибивается только у порога наружной двери) *desquelles était cloué un de ces petits fers à cheval qui protègent le talon des bottes: or, dans ces maisons, chaque chambre avait son icône*» <Gennep 1909: 33> – “Иногда священное значение порога находит свое обличье по всем порогам дома: мне доводилось видеть в России дома, на пороге каждой комнаты коих было прибито по маленькой подкове, что защищают сапожный каблук: таким образом, в домах этих, у каждой комнаты было по иконе” (здесь и далее перевод наш – прим. ред.).

А общий вывод изложен так: «*En tout cas, pour comprendre les rites relatifs au seuil, il convient de se rappeler que le seuil n'est qu'un élément de la porte, et que la plupart de ces rites doivent être pris au sens direct et matériel de rites d'entrée, d'attente et de sortie, c'est-à-dire de rites de passage*» <Там же> – “В любом случае, чтобы понять обряды, связанные с порогом, следует помнить, что порог – это всего лишь один элемент двери, и что большинство этих обрядов следует понимать в прямом и материальном смысле как обряды входа, ожидания и выхода, то есть как часть обряда перехода (/ посвящения)”.

2. Обычай «качать».

Я не обладаю таким количеством данных, чтобы объяснить татарским влиянием известный у нас обычай качать на руках чествуемое лицо, подбрасывая его вверх; но, по аналогии с другими явлениями нашей старины монгольского периода, готов видеть и в данном случае подражание татарскому церемониалу при избрании хана на царство.

Церемониал этот нам хорошо известен, и состоял он в том, что царевича вместе с женою его сажали на белый войлок, *поднимали вверх*, торжественно и громко провозглашали императором и императрицею всех татар⁶.

Вероятно, так совершался упомянутый обряд, соответствовавший европейскому коронованию, в Золотой Орде, где с ним должны были хорошо ознакомиться наши предки, независимо от поездок русских великих князей в Монголию. В Бухарском ханстве, входившем в состав улуса Джагатая, этот обряд сохранился до последнего времени; нет поэтому основания думать, что в улусе Джучия он не существовал, и ханы возводились на престол иным способом. Отсюда выражение: *хан кютермяк*⁷, т. е. «поднять хана» <Ивестия 1894: 374–380>.

Особенно интересно избрание на ханство Аблая киргиз-казаками около 1770 года: «Разостланы были ковры и войлоки, на коих сели вокруг все присутствовавшие в три и четыре ряда, по старшинству и достоинству, и когда посередине сего собрания занял свое место, на подложенном тонком белом войлоке сам Аблай, то все осыпали его похвалами за храбрость и проворство и пересказывали об одержанных им победах над киргизами других орд и калмыками <...>. По объявлении Аблаю приговора о выборе его в ханы, четверо из знатнейших старшин встали с мест своих и, подняв его на свои головы, опустили на прежнее место. Сему примеру последовали все бывшие в собрании; наконец, сняв с него богатое платье, изорвали на маленькие лоскутки и разделили оные между собою <...>. В заключение подали на больших оловянных блюдах вареное, мелко изрубленное мясо, коего по горсти клал сам Албай⁸ каждому в рот; потом потчевали всех кумысом⁹» <Вестник 1820: 117–118>¹⁰.

Про избрание ханов у киргиз-казаков А.К. Гейнс сообщил, путем расспросов, следующие сведения, относящиеся ко времени русской власти в степи: «Как только определялось, кому быть ханом, то все присутствующие в совете вставали и нового хана подымали на белом войлоке, а стоящая в отдалении толпа, заметив это, пускалась во весь дух верхами и также устремлялась носить или, лучше сказать, качать и таскать нового хана. Шум и смятение делались всеобщими, а войлок, на котором подымался хан, вскоре исчезал, разорванный на мелкие кусочки, так как каждый из присутствующих старался достать хотя незначительный лос-

⁶ Из Сборника Викентия Бовезского (Изъ Сборника Викентія Бовезскаго.) См. <Языков 1825: 41>.

⁷ В <Ивестия 1894: 374–380> – хан кѳтармѳк (خان كوتارمك) «поднимать въ ханы». – Прим. ред.

⁸ В <Вестник 1820: 117–118> – Аблай. – Прим. ред.

⁹ В <Вестник 1820: 117–118> – кумызомъ. – Прим. ред.

¹⁰ Ср. также у Левшина <Левшин 1831: 126–128>.

куток, чтобы, возвратясь домой, засвидетельствовать свое участие в выборе хана» <Гейнс 1897: 95>.

В.П. Сальков, автор книжки «Андижанское восстание в 1898 году» (Казань, 1901), пробывший в Ферганской области десять лет, сделал такое замечание: «В прежнее время здесь в Оше существовал следующий обычай, свято в свое время исполняемый: каждый хан, при восшествии своем на престол в виду всего собравшегося народа, на белом войлоке поднимался кверху, при этом он должен был пустить по стреле во все четыре стороны света в знак того, что он будет обладателем всего видимого мира» <Сальков 1901: 8>. О каких ханах в Оше говорит г. Сальков, я не знаю, равным образом мне неизвестна и подробность о стреле, – последнее сообщение я считаю пока недоразумением; но, как видно, обряд воцарения ханов поднятием на войлоке пользуется в Средней Азии широким распространением.

Русские цари поддерживали этот обряд у себя дома. В царствование Бориса Годунова, по его указу и в присутствии сына боярского был возведен на ханство таким образом Ураз Мухаммед в 1600 году: четыре человека, взявшись за четыре конца золотой кошмы, подняли на ней хана. При этом торжестве присутствовали все от малого до великого, русские и татары <Вельяминов-Зернов 1884: 402, 403, 450>. И много позже, в [второй] половине XVII столетия, ногайских мурз возводили в Астраханское княжеское достоинство при посредстве того же обряда. Сперва боярин говорил мурзе царское жалованье, затем воеводы делали распоряжение сеидам и всем мурзам поднять жалуемого мурзу на епанче или на полсти, по их бусурманскому закону, перед собою на площади <Собрание 1822>.

А.К. Гейнс, описывая обычаи и обряды киргиз-казаков, сообщает, что утром, в определенный для свадьбы день, невесту, сидящую на ковре, носят по всему аулу прощаться с подругами <Гейнс 1897: 90>.

Выходит, следовательно, что и после татарского владычества русские люди могли постоянно и долго наблюдать этот обряд в разных местах и, по свойственной человеческой натуре подражательности, могли усвоить татарский церемониал и применить в своем обиходе. Если мы признаем подобную зависимость, то разгадаем смысл и нашего обычая.

Нелишне заметить, что сами монголы забыли свой древний обряд, и при избрании на ханство в Монголии 16 декабря 1911 г. ургинского Чжибцзун-дамбахутухты не было церемонии вознесения его на войлоке.

Литература

- Васильев 1857 – *Васильев (Васильевъ) В.П.* История и древности северо-восточной части Средней Азии (Исторія и древности сѣверо-восточной части Средней Азии) // Труды Восточного отделения И. Р. А. О. (Труды Восточнаго Отдѣления Императорскаго Археологическаго Общества.) – СПб., 1857. – Т. IV. {*V.P. Vasiliev.* History and antiquities of the Northeastern part of Central Asia // Proceedings of Oriental Department of the Imperial Archaeological Society. – Saint Petersburg, 1857. – Vol. 4.}
- Васильев 1883 – *Васильев (Васильевъ) В.П.* Современное положение Азии – китайский прогресс (Современное положеніе Азии – китайскій прогрессъ) // Отчет по С.-Петербургскому университету за 1882 год. Актовая речь проф. Васильева. (Годовой Отчетъ по Императорскому С.-Петербургскому университету за 1882 годъ. Актовая рѣчь проф. Васильева.) – СПб.: Тип.

- М.М. Стасюлевича, 1883. {*V.P. Vasiliyev. The modern state of Asia – Chinese progress // An Annual Report of the Imperial Saint Petersburg University, Year 1882. Prof. Vasiliyev's commencement address. – Saint Petersburg: М.М. Stasiulewicz (/Stasyulevich)'s Printing House, 1883.*}
- Вельяминов-Зернов 1884 – *Вельяминов-Зернов (/Вельяминовъ-Зерновъ) В.В.* Исследование о Касимовских царях и царевичах. (*Издѣлованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ.*) Ч. II. – СПб.: Типография Академии Наук (*въ типографіи Императорской Академіи Наукъ*), 1884. {*V.V. Velyaminov-Zernov. A study on Kasimov Czars and Czarevitches. Part 2. – Saint Petersburg: at Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1884.*}
- Вестник 1820 – Сибирский Вестник. (*Сибирскій Вѣстникъ.*) Ч. IX. – СПб.: Морская типография (*въ Морской Типографіи*), 1820. {*The Siberian Bulletin. Part 9. – Saint Petersburg: at the Maritime Printing House, 1820.*}
- Воейков 1822 – *Воейков А.Ф. (/Воейковъ А.Ф.)* Описание калмыцкого народа (*Описаніе Калмыцкаго народа (продолженіе)*) // Сын отечества. (*Сынъ Отечества.*) – СПб.: Типография Н. Греча (*въ Типографіи Н. Греча*), 1822. – Ч. 75. – № VI. {*A.F. Voyukov. A description of the Kalmyk people (the continuation) // Syn Otechestva. (Son of the Fatherland.) – Saint Petersburg: at N. Gretsches's Printing House, 1822. – Part 75. – No. 6.*}
- Гейнс 1897 – *Гейнс (/Гейнсъ) А.К.* Собрание литературных трудов. (*Собраніе литературныхъ трудовъ.*) Т. I. – СПб.: Типография (*Типографія*) М.М. Стасюлевича, 1897. {*A.K. Heins (/Geyns). A compendium of literary works. Vol. 1. – Saint Petersburg: М.М. Stasiulewicz (/Stasyulevich)'s Printing House, 1897.*}
- Георги 1776 – *Георги И.Г. (/И.Г.)* Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч. II. О народах татарского племени. Переведено с немецкого. (*Описаніе всѣхъ въ Россійскомъ государствѣ обитающихъ народовъ. Ч. II. О народахъ Татарскаго племени. Переведено съ Нѣмецкаго.*) – СПб.: Изданием (*Издвденіемъ*) книгопродавца К.В. Миллера, 1776. {*J.G. Georgi. A description of all peoples that inhabit the Russian state. Part 2. On the peoples of Tatar stem. Translated from German. – Saint Petersburg: Sponsored by C.(/K.)W. Miller, the bookseller, 1776.*}
- Гомбоев 1859 – *Гомбоев (/Гомбоевъ) Г.* О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плато-Карпини (*О древнихъ монгольскихъ обычаяхъ и суевѣрїяхъ, описанныхъ у Плато-Карпини*) / Соч. Ламы Галсан-Гомбоева (*Галсанъ-Гомбоева*) // Труды восточного отделения Императорского Русского Археологического общества. (*Труды Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.*) – СПб., 1859. – Ч. IV. – С. 236–256; Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. – 1859. – Т. XIII. {*G. Gombojev. On ancient Mongolian customs and superstitions described by Plano Carpini / A work by Lama Galsan-Gombojev // Works of the Oriental Department of the Imperial Russian Archaeological Society. – Saint Petersburg, 1859. – Part 4. – PP. 236–256; Proceedings of the Oriental Department of the Imperial Russian Archaeological Society. – 1859. – Vol. 13.*}
- Ибрагимов 1872 – *Ибрагимов (/Ибрагимовъ) И.И./Ш.М.* Этнографические очерки киргизского народа (*Этнографическіе очерки киргизскаго народа*) // Русский Туркестан. (*Русскій Туркестанъ.*) – М.: Университетская типография (*въ Университетской Типографіи*), 1872. – Вып. II. – С. 120–152. {*I.I. (/Sh.M.) Ibragimov. Ethnographic essays on the Kirghiz people // The Russian Turkestan. – Moscow: at the University Printing House, 1872. – Issue 2. – PP. 120–152.*}
- Известия 1894 – *Заседателей (/Засѣдателевъ) Н.И.* Древний обряд коронования у тюркских народов (*Древній обрядъ коронованія у тюркскихъ народовъ*) // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском университете. (*Извѣстія Общества Археологии, Истории и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.*) – Казань: Типо-литография Императорского Университета (*Типо-литографія Императорскаго Университета*), 1894. – Т. XII. – Вып. 1–6. – С. 374–380. {*N.I. Zasedatelev. An ancient coronation rite among the Turkic peoples // Bulletin of Society of Archaeology, History and Ethnography at the Imperial Kazan University. – Kazan: Typo-lithography of the Imperial University, 1894. – Vol. 12. – Issues 1–6. – PP. 374–380.*}
- Левшин 1831 – *Левшин (/Левшинъ) А.И.* Описание Киргиз-Казачьих, или Киргиз-Кайсакских орд и степей. (*Описаніе Киргизъ-Казачьихъ, или Киргизъ-Кайсакскихъ ордъ и степей.*) Ч. III. – СПб.: в типографии Карла Крайя, 1832. {*A.I. Levshin. A description of the Kirghiz-Kazak, or Kirghiz-Kaysak hordes and steppes. Part 3. – Saint Petersburg: at the Carl Kray's Printing House, 1832.*}

- Летопись 1872 – Летопись по Лаврентьевскому списку. (*Лѣтопись по Лаврентіевскому списку.*) – СПб.: Издание Археографической Комиссии (*Издание Археографической Комиссіи*)/Типография Императорской Академии Наук (*Типографія Императорской Академіи Наук*), 1872. {A Chronicle according to the Laurentian Codex. – Saint Petersburg: The Archaeographic Commission Publication/Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1872.}
- П 1878 – П. Обычаи киргизов Семипалатинской области (*Обычаи киргизовъ Семипалатинской области*) // Русский Вестник. (*Русскій Вѣстникъ.*) – М.: Университетская типография (*Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)*), 1878. – Т. 137. {P. Rites of Kirghizs of the Semipalatinsk region // Russkiy Vestnik (The Russian Bulletin). – Moscow: at the University Press (by M. Katkov), 1878. – Vol. 137.}
- Плано Карпини, Рубрук 1911 – *Иоанн де Плано Карпини. История монголов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Введение, перевод и примечания А.И. Малеина.* – Съ приложением 8 рисунковъ, карты и указаний. (*Иоаннъ де Плано Карпини. Исторія монголовъ. Вильгельмъ де Рубрукъ. Путешествіе въ восточныя страны / Введение, переводъ и примѣчанія А.И. Малеина.*) – СПб.: Издание (*Издание*) А.С. Суворина, 1911. {*Iohannes de Plano Carpini (Giovanni da Pian(Plan) del Carpine). Historia (Ystoria) Mongalorum. Guillaume de Rubrouck (Willem van Ruysbroeck). The journey [of William of Rubruck] to the eastern parts of the world / Introduction, translation, and notes by A.I. Malein.* – With appendices: 8 figures, a map and indexes. – Saint Petersburg: A.S. Suvorin's Publishing House, 1911.}
- Поло 1902 – *Минаев (Минаевъ) П.И.* Путешествие Марко Поло: перевод старо-французского текста / Издание Императорского Русского Географического Общества под редакцией В.В. Бартольда. (*Путешествіе Марко Поло: переводъ старо-французскаго текста / Изданіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества подъ редакціей В.В. Бартольда.*) – СПб.: Типография (*Типографія*) М.М. Стасюлевича, 1902. {*P.I. Minayev. The Travels of Marco Polo: translated from the Old French text / Publication of the Imperial Russian Geographical Society, edited by V.V. Bartold.* – Saint Petersburg: M.M. Stasiulewicz (*Stasyulevich*)'s Printing House, 1902.}
- Сальков 1901 – *Сальков (Сальковъ) В.П.* Андиганское восстание в 1898 году. (*Сборник статей*) / Издание П.Н. Сальковой. (*Андиганское возстаніе въ 1898 г. (Сборникъ статей) / Изданіе П.Н. Сальковой.*) – Казань: Типо-литография Императорского Университета (*Типо-литографія Императорскаго Университета*), 1901. {*V.P. Sal'kov. The Andijan Rebellion (Uprising) of 1898. (A compendium of articles) / P.N. Salkova's edition.* – Kazan: Typo-lithography of the Imperial University, 1901.}
- Собрание 1822 – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии Иностранных Дел. Ч. III. (*Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, хранящихся въ Государственной Коллегии Иностранныхъ Дѣлъ. Часть Третья.*) – М.: Типография Селивановского (*въ Типографіи Селивановскаго*), 1822. – № 144. {A compendium of state charters and pacts, stored in the State Collegium of Foreign Affairs (*Foreign Affairs Board*). Part 3. – Moscow: at Selivanovskiy's Printing House, 1822. – No. 144.}
- Тизенгаузен 1884 – *Тизенгаузен (Тизенгаузенъ) В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. (*Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой орды В. Тизенгаузена. Т. I. Извлеченія изъ сочиненій Арабскихъ.*) – СПб.: Издано на иждивение Графа С.Г. Строганова, 1884. {*V.G. Tiesenhausen / E.W. von Tiesenhausen. A compendium of materials related to the history of the Golden Horde Vol. 1. Extracts from Arabic works.* – Saint Petersburg: Sponsored by Count S.G. Stroganov, 1884.}
- Черемшанский 1859 – *Черемшанский (Черемшанскій) В.М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. (*Описаніе Оренбургской губерніи въ хозяйственно-статистическомъ, этнографическомъ и промышленномъ отношеніяхъ.*) – Уфа: Типография Оренбургского Губернского Правления (*въ Типографіи Оренбургскаго Губернскаго Правленія*), 1859. {*V.M. Cheremshanskiy. A description of Orenburg Governorate in economic-statistical, ethnographic and industrial aspects.* – Ufa: The Printing House of Orenburg Governorate Headquarters, 1859.}
- Шпилевский 1877 – *Шпилевский (Шпилевскій) С.М.* Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. (*Древніе города и другіе болгарско-татарскіе памятники в Казанской губерніи С.М. Шпилевскаго.*) – Казань: Университетская типография (*Въ Университетской Типографіи*), 1877.

- Языков 1825 – *Языков (Языковъ) Д.И.* Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам, в XIII, XIV и XV столетиях. I. Плато-Карпини. II. Асцелин. (*Собрание путешествій къ Татарамъ и другимъ восточнымъ народамъ, въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ. I. Плато-Карпини. II. Асцелинъ.*) – СПб.: Типографія Департамента Народнаго Просвѣщенія (*въ Типографіи Департамента Народнаго Просвѣщенія*), 1825. {*D.I. Yazykov. A compendium of travels to the Tatars and other Oriental peoples, in the 13th, 14th, and 15th centuries. I. Plano Carpini. II. Ascelin. – Saint Petersburg: at the Printing House of the Department of Public Education, 1825.*}
- Georgi 1775 – *Georgi J.G.* Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich in den Jahren 1773 und 1774. II. (*Zweyter*) Band [Заметки о путешествии в Российскую Имперію в 1773 и 1774 гг. Том II]. – St. Petersburg: Gedruckt bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften, 1775. (In German.)
- Gennep 1909 – *van Gennep, A.* Les Rites de passage. Étude systématique des rites <...> [Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов]. – Paris: Librairie Critique/Émile Nourry, 1909. (In French.)